

УДК 141.142

Лаврова А. А.

К. филос. наук, доцент департамента философии
УНЦ гуманитарных наук федерального гос. автономного
образовательного учреждения высшего образования
«Московский физико-технический институт
(национальный исследовательский университет)»
г. Москва, Российская Федерация

«МЫ, УЧЁНЫЕ»: Ф. НИЦШЕ И НАУКА**Аннотация**

В статье анализируются взгляды немецкого философа 19 века Ф. Ницше на природу и основные черты науки как познавательного инструмента европейской культуры, выделяются основные аспекты данной проблемы на разных этапах его философской эволюции, показывается то существенное влияние, которое оказало европейское естествознание второй половины 19 века на характер и тематику философии Ницше в целом.

Ключевые слова

Научное познание, механицизм, позитивизм, философия естествознания,
нигилизм, творческая деятельность

Современному читателю Ф. Ницше представляется главным образом философом-поэтом, автором «Заратустры», эдаким «свободным духом», сокрушителем исчерпавших себя идеалов и ценностей, визионером, опередившим своё время. Образ получается ярким, однако исторически неточным и содержательно неполным. На самом деле Ницше, подобно другим мыслителям, был во многих существенных отношениях человеком своего времени, и по-своему выражал в своих сочинениях дух эпохи. Так что рассмотрение вопроса об отношении Ницше к науке призвано дополнить существующий образ этого философа и сделать его более релевантным.

19 век нередко называют «веком науки» [1], подразумевая под этим интенсивное развитие естественных наук, в короткий срок добившихся невероятных успехов в плане совершенных открытий, разработке новых технологий и преобразования всех значимых сфер жизни общества. Как писал в 1870 г. один из свидетелей данного процесса профессор Венского университета В. Шерер, «та же самая сила, что дает жизнь железным дорогам и телеграфу, что приводит к небывалому расцвету промышленности, улучшает жизнь и уменьшает конфликты, говоря коротко, укрепляет, продвигаясь семимильными шагами, превосходство человека над природой, - та же самая сила направляет и нашу интеллектуальную жизнь, побуждая отбрасывать догмы, перестраивать научные дисциплины, видоизменять поэзию. *Естественные науки* подобны герою-триумфатору, летящему на колеснице, к которой мы все привязаны» [2, S. 411].

Хотя Ницше по образованию и роду своей деятельности был чистым гуманитарием – филологом-классиком, он был осведомлен о наиболее важных естественнонаучных открытиях своего времени, а в определенный период своего творчества целенаправленно изучал довольно широкий круг научных дисциплин (пусть и в популярном изложении), начиная от эмбриологии и кончая метеорологией [3]. Его личная библиотека включала более сотни книг, брошюр и журналов подобного рода. Ницше был внимательным и заинтересованным читателем, прочитанное оставляло свой след в его душе и направляло его размышления далеко за пределы прежних академических границ филологии, а затем философии. Поэтому неудивительно, что тексты его работ, особенно среднего и позднего периодов, изобилуют естественнонаучными терминами, превращенными в метафоры, такими, например, как «химия понятий и ощущений», «физиология искусства» или «генеология морали».

Проблема науки как самого мощного познавательного ресурса европейского человечества, его

значения, ценности и отношения к культуре в целом и к философии, в частности, интересовала Ницше на протяжении всей его жизни, однако аспекты и акценты этой проблемы варьировались в широком диапазоне: от полного неприятия науки в ранний период через энтузиазм и сомнения – в средний и, наконец, к осторожному признанию в поздний. Наиболее известен в этом плане средний период (1878–1882 гг.), который именуют «позитивистским». Однако сам Ницше предпочитал определять свою позицию в это время как «реализм», имея в виду то идейное влияние, которое оказывал на него его друг - писатель, философ и врач Пауль Рее. К философии же собственно первого позитивизма отношение у Ницше было двойственным.

Отдавая должное задаче, которую ставил перед философией позитивизм, а именно, задаче «освобождения» человеческого мышления от догматической «метафизики», а также стремлению ассимилировать конкретно-научные достижения, Ницше считает недостаточным ограничивать задачу философии лишь критикой. «Критики суть орудия философа, - пишет он, - и именно потому, как орудия, сами далеко еще не философы!» [4, т. 5, с. 134]. Ориентирующаяся на науку философия, то есть современный Ницше позитивизм, представляет собой не более, чем «робкую эпохистику и учение о воздержании», она демонстрирует «неверие в царственную задачу и царственное значение философии» и является лишь прелюдией к подлинной философии [Там же. с. 123]. В конце концов приверженец позитивизма представляется ему воплощением дискредитировавшего себя еще в классической философии духа объективности, человеком, отрекшимся от своего Я и прославляющим духовное обезличивание. Это вовсе не трезво мыслящий и здоровый духом критик, беззаветно работающий на ниве познания, как ему представлялось вначале, а верующий, в фанатичном «объективизме» которого проявляется «болезнь воли» и европейский нигилизм [Там же, с. 126-130].

Ницше критиковал науку своего времени за наивно-реалистическую установку и механицизм, и в этом он был не одинок. В то же время Ницше, питая искренний интерес к естественным наукам, пытался найти нечто вроде научного подтверждения для своих самых главных философских идей, таких как воля к власти или вечное возвращение. Ницше, безусловно, чувствовал заложенный в научном исследовании творческий потенциал, саму способность науки к обновлению, развитию. Особенно ценными в его глазах были те выводы естествознания, которые подрывали наивно-оптимистическую веру обыденного сознания в устойчивость мира, выводы, обосновывающие его изменчивость. В этом плане на Ницше повлияла прежде всего эволюционная теория Ч. Дарвина. Можно сказать, что парадигмой научности выступает для него не классическая механика, а биологическое знание, и в силу этого Ницше нередко «биологизирует» науку как таковую.

Размышляя о природе науки в контексте своей «философии жизни», Ницше ставит вопрос таким образом: «Что означает вообще всякая наука, рассматриваемая как симптом жизни? Зачем нужна, хуже того, откуда берется всякая наука?.. Не есть ли научность только страх и отговорка от пессимизма? Тонкая самооборона против – истины! И, говоря на моральный лад, нечто вроде трусости и лживости? А говоря на лад неморальный, хитрость?» [Там же, т. 1/1, с. 10]. Эта «хитрость» состоит в том, чтобы эффективно обороняться от деструктивной силы потока становления, укреплять «видимость» и совершенствовать человеческий «вымысел» относительно устойчивости и прозрачности сущего. Но в отличие от здравого смысла, в котором спонтанно конституируется мир первичных, жизненно важных для сохранения человеческого рода «предрассудков», наука работает с вторичным материалом. Она подвергает дополнительной обработке уже обработанный (большой частью бессознательно) опыт, отбирает в нем только самое общее, устоявшееся, наиболее часто повторяющееся. Из этого создается новая, более искусственная, чем, например, в естественном языке, система знаков и значений, к которым «присочиняются» подходящие правила функционирования – вот здание науки и построено! Несмотря на всю сомнительность происхождения, науку, этот «вымысел из вымыслов», Ницше считает необходимым принять из прагматических соображений, как эффективно работающий инструмент выживания и достижения человеком своих целей. Если мы «хотим стать тем, что мы есть, - новыми, неповторимыми, несравнимыми, полагающими себе собственные законы, себя-самых-творящими, - пишет немецкий

философ, - для этого мы должны стать лучшими учениками и открывателями всего законного и необходимого в мире: мы должны быть *физиками*, чтобы суметь стать *творцами* в названном смысле» [Там же, т. 3, с. 517].

До тех пор, считает Ницше, пока наука не претендует на окончательное объяснение всего сущего, а создает весьма подвижные новые инструменты концептуализации и достаточно легко расстается с устаревшими, до этих пор она из всех распространенных видов духовной деятельности в наибольшей степени соответствует *творческой* сущности человека. Здесь можно согласиться с мнением одного из авторитетных исследователей наследия философа Р. Гриммом, полагающим, что Ницше «скорее интересуется форма и творческий потенциал науки, нежели ее конкретное содержание» [5, р. 136-137]. Это подтверждается, в частности, очень высокой оценкой Ницше научных методов как квинтэссенции «научного духа». «Все результаты науки не смогли бы предотвратить нового торжества суеверия и бессмыслицы, если бы эти методы были утрачены», - пишет он в книге 1878 года «Человеческое, слишком человеческое» [4, т. 2, с. 332], и к этой же мысли возвращается в конце 80-х годов: «То, чем «славится» наше XIX столетие, - отнюдь не торжество науки, а торжество научных методов над наукой» [Там же, т. 13, с. 401].

Вместе с тем Ницше отказывается видеть в науке орудие добывания истины, инструмент познания в собственном смысле этого слова и относит ее к числу факторов, обусловивших «суверенитет незнания», так как все ее «факты» и «законы» представляют собой переложение, перевод на более строгий, формализованный язык некоторого первичного содержания, заключенного в «древнейшей вере» [Там же, т. 12, с. 217]. Научная деятельность – это деятельность, протекающая в определенных границах вымышленных правил исчисления и измерения, оперирование формулами и числами [Там же, т. 13, с. 238-240]. Ницше неоднократно повторяет, что «наука развивает умение, а не знание» [Там же, т. 2, с. 193], что она не познает мир, а «подделывает» [Там же, т. 5, с. 37], «описывает», «измышляет», а не «объясняет» [Там же, т. 3, с. 431-432]. Кроме того, он обращает внимание на то, что научная деятельность не является независимой, а осуществляется в тесном взаимодействии с другими видами человеческой деятельности. Наука подчинена практическим интересам социума, а субъекты этой деятельности – ученые – ничуть не в меньшей степени, чем все другие люди, являются «стадными животными» [Там же, т. 10, с. 562], обремененными характерными «стадными» предрассудками. Поэтому в «тело» науки – тайно или явно – проникают в целом чуждые ей вирусы религиозности и морализирования, отравляя его [Там же, т. 3, с. 526-528, 534-536]. Но в перспективе, надеется Ницше, отрицательные, болезненные явления в культуре можно будет победить, наука приобретет «новое волшебство» и в конце концов мы сможем «всю нашу жизнь *устраивать* таким образом, чтобы *сохранять* ее», ибо этого требуют «условия нашего существования как познающих» [Там же, т. 10, с. 557]. Подобные идеи он не только проповедовал, но и непосредственно реализовал в своем философском проекте «веселой науки».

Итак, несмотря на весьма своеобразные эпистемологические представления, Ницше считал, что наука всё еще возможна и достойна уважения. При этом он небезосновательно предупреждал об опасности научного изоляционизма и нигилизма, об утрате учеными понимания многогранности взаимодействия науки с обществом. Однако несмотря на все эти опасности, полагает Ницше, научное знание всё равно превосходит любую из своих альтернатив, и дает нам знание, в конечном счете, знание о нас самих.

Список использованной литературы:

1. См., например: Knight D. The Age of Science. Oxford: Blackwell, 1986. 251 p.
2. Scherer W. Die neue Generation // Vorträge und Aufsätze zur Geschichte des geistigen Lebens in Deutschland und Oesterreich. B.: Weidmannsche, 1874. S. 408-414.
3. См.: Brobjer Th. Nietzsche's Reading and Knowledge of Natural Science: An Overview // Nietzsche and Science. L., N.Y.: Routledge, 2017. P. 21-50.
4. Ницше Ф. Полное собрание сочинений в 13 томах. М.: Культурная революция, 2005–2014.
5. Grimm R. H. Nietzsche's Theory of Knowledge. B., N.Y.: W. de Gruyter, 1977. XIV, 206 p.

© Лаврова А.А., 2022